

Даниэла Стил

До конца времен

Москва
2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Danielle Steel
UNTIL THE END OF TIME
Copyright © 2013 by Danielle Steel

Перевод с английского *В. Гришечкина*

Художественное оформление *С. Ляха*

Стил, Даниэла.
С80 До конца времен / Даниэла Стил ; [пер. с англ. В. А. Гришечкина]. — Москва : Эксмо, 2015. — 608 с. — (Романтическое настроение).

ISBN 978-5-699-80915-8

Упавшая с неба звезда не исчезает, а оставляет свой след в сердце того, кто загадал под ней желание. Больше всего на свете Дженни мечтает подарить своему возлюбленному ребенка. Но фортуна неумолима, как и диагноз врачей. Путем невероятных усилий Биллу и Дженни удастся найти выход из сложной ситуации, но смогут ли они прервать цепь трагических случайностей и обрести выстраданное счастье?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80915-8

*Моим замечательным детям —
Беатрисе, Тревору, Тодду, Нику, Сэму,
Виктории, Ванессе, Максу и Заре,
которых я буду любить до конца времен.
С любовью,
мама*

*Любовь — упавшая звезда,
что остается в сердце
навсегда.*

Билл и Дженни 1975

Глава 1

В большой гримерной за кулисами концертного зала отеля «Пьер» в нью-йоркском Мидтауне царила атмосфера лихорадочной спешки. Сорок пять высоких, худых как щепки, полураздетых девушек-моделей неподвижно сидели на низких пуфиках, стояли перед высокими зеркалами или примеряли туфли и платья, пока многочисленные стилисты и визажисты торопливо работали над их прическами и макияжем. До начала показа оставались считанные минуты, и напряжение все нарастало. То и дело требовались срочные изменения в costume той или иной манекенщицы, и тогда в дело вступали ассистенты, вооруженные ножницами, булавками и катушками клейкой ленты.

Знаменитый кутюрье Дэвид Филдстон расхаживал между девушками, всматриваясь то в одно, то в другое платье или костюм. За ним по пятам следовал оператор с громоздкой видеокамерой на плече. Он снимал эпизод для рекламного фильма, посвященного очередной Неделе высокой моды, а Филдстон рассказывал о своей новой зимней коллекции.

Сам кутюрье был высоким, стильно одетым и довольно молодежавым на вид мужчиной, хотя его густые волосы уже тронула седина. Ему не исполнилось и пятидесяти, но он проработал в модном бизнесе уже больше двадцати лет и был в этом мире хорошо известен. Два года назад Филдстон, однако, оказался на грани банкротства. Критики и журналисты утверждали, что он выдохся, что его моделям не хватает свежести и оригинальности, что он повторяется и уже не в состоянии угнаться за требованиями времени. И, по большому счету, так оно и было. Дэвид понимал все едва ли не лучше других и лихорадочно искал выход из тупика.

К счастью, в последнее время в его делах наметился перелом к лучшему, и все благодаря энергии и таланту молодой Дженни Арден. Именно ее усилиями он сумел вернуться практически из небытия и сейчас снова был на подъеме. Коллекция к новому сезону оказалась едва ли не лучшей из того, что Филдстон создал за свою карьеру. Конечно, дизайном занимался сам Дэвид и мог по праву этим гордиться, но... как говорится, дьявол — в деталях, а за них как раз и отвечала Дженни, его советник-консультант. Созданные с ее помощью платья и костюмы отличались изяществом, изысканностью и приятной глазу новизной. Больше того, теперь они казались живыми, тогда как раньше напоминали просто драпировки: сшитые по всем правилам дизайнерского искусства, они, однако, оставались холодными

и абсолютно не функциональными. А вот новые модели хотелось носить.

И это была заслуга Дженни — что сам Филдстон всегда признавал. Он, правда, отнюдь не кричал об этом на всех углах, однако в беседах с самыми близкими друзьями и коллегами не раз говорил, что Дженни — подлинный гений и может спасти самую бездарную коллекцию, всего лишь сдвинув на полдюйма в сторону пройму, распустив вытачку или изменив форму воротничка.

Сама Дженни оценивала свою роль гораздо скромнее — главным образом потому, что действительно не занималась конструированием одежды в полном смысле этого слова. Она лишь проводила для Дэвида соответствующие исследования и подавала оригинальные идеи или находила свежие решения, благодаря которым его коллекция начинала «играть», привлекая всеобщее внимание. В межсезонье, когда работа над новыми моделями шла, что называется, ни шатко ни валко, они встречались всего два-три раза в неделю. Когда же наступало время представить результат на суд зрителей, Дженни работала с Дэвидом гораздо плотнее, лично наблюдая за тем, как преобразается каждая мелочь из батиста или крепа. Разумеется, Дэвид щедро платил ей за советы, благодаря которым вернулся в обойму ведущих модельеров. Правда, он не был ее единственным клиентом, но зато самым известным, и именно с ним Дженни добилась наибольшего успеха.

Мир моды Дженни любила беззаветно и искрен-

не, с раннего детства. Ее бабушка, француженка по происхождению, когда-то была лучшей закройщицей — «конструктором одежды», как это тогда называлось, — в одном из крупнейших парижских ателье, а мать работала там же швеей. Впоследствии, уже в Америке, в Филадельфии, куда они перебрались после войны, мама с бабушкой основали собственный небольшой бизнес, копируя для клиентов лучшие образцы парижских домов моды. Дженни внимательно за всем наблюдала, а когда ей исполнилось восемнадцать, поступила в парсонсовскую Школу дизайна в Нью-Йорке. Она хотела стать модельером, однако заскучала на утомительных занятиях. Работать с тканями, чертить детали будущих выкроек было не особенно интересно, и Дженни не хватало для этих расчетов терпения. Довольно скоро она убедилась, что таланта к моделированию одежды у нее нет или почти нет. Куда больше ее интересовали не сами модели, а общие тенденции моды, их направление и развитие, и именно в этой области Дженни неожиданно нашла свое призвание. Нынешние клиенты часто отмечали ее способность «учуять», что будут носить через год или пять, и при этом никогда не ошибаться. Наделенная тонким художественным вкусом, Дженни действительно могла предугадать развитие той или иной только что появившейся тенденции моды, а благодаря советам, которые она давала своим клиентам, одобренные ею фасоны завоевывали подиумы по всей стране и за рубежом. Можно было даже сказать, будто она не

просто заглядывает в будущее, а сама формирует тенденции, творит моду. Официально ее работа называлась «художественный консультант», но, по сути, Дженни была самой настоящей музой для тех модельеров и кутюрье, которым посчастливилось с ней работать. От ее острого глаза не ускользала ни одна деталь, ни один стежок. Дженни знала, как следует носить ту ли иную вещь, отменно разбиралась в аксессуарах и бижутерии. «Стиль — это все», — утверждала она, когда приходилось убеждать заупрямившегося кутюрье изменить что-либо в новой модели. «Мало нарисовать и скроить платье, костюм или пальто, — говорила Дженни. — Нужно еще оживить их, вдохнуть в них душу, чтобы предмет одежды превратился в нечто, живущее своей собственной жизнью, и как результат — обрел способность поражать окружающих». Дженни и сама вкладывала в работу весь жар души, заражая клиентов своей энергией и взглядами, которые впоследствии, обретя форму фантазийных платьев и необычайных гарни-туров, поражали зрителей и критиков во время демонстраций на подиумах готовых коллекций.

Именно это и должно было произойти сейчас. Шла нью-йоркская Неделя моды, для которой Дэвид Филдстон подготовил очередную коллекцию, способную стать одной из лучших в его творческой карьере. В зале собрались и критики, и журналисты, профессионально пишущие о моде, а главное — представители модных магазинов и специализированных бутиков. Все эти люди, затаив дыхание, жда-

ли начала показа, гадая, чем поразит их Дэвид Филдстон на сей раз. До начала дефиле оставались считанные минуты, и, пока оператор снимал Дэвида «для истории», Дженни продолжала заниматься своей работой. Лавируя между девушками-моделями, она в последний раз окидывала взглядом прическу и макияж, расправляла складки на уже надетом платье, поднимала или, наоборот, опускала воротничок блузки либо жакета, надевала на запястье манекенщицы браслет, закалывала брошь, а дважды даже распорядилась срочно надеть другие туфли, так как их оттенок или фасон вдруг показался ей выбивающимся из общей картины.

— Нет-нет-нет!.. — быстро говорила она, пока ассистенты наряжали ту или иную модель, словно большую куклу. — Ожерелье надето задом наперед, а пояс — вверх ногами. Поправьте все как можно скорее!

И прежде чем ассистенты успевали отреагировать, Дженни сама бросалась исправлять промахи. Удовлетворенно кивнув, она двигалась дальше, переходя к следующей манекенщице, которую облачали в полупрозрачное кружевное платье. Молнию в нем установить забыли, и теперь ассистенты зашивали его «на живую нитку» прямо на девушке, которая стоически переносила привычную операцию. Из-за спешки подобные инциденты случались частенько, хотя, по замыслу Филдстона и Дженни, это платье должно было стать изюминкой сегодняшней программы. Сквозь тончайшее кружево просматрива-

лись и обнаженные груди манекенщицы, и все ее тело — за исключением самых интимных мест, приличия ради закрытых узенькими трусиками-бикини телесного цвета. Сначала Дэвид подумывал сделать платье немного скромнее, но Дженни уверила его, что на дворе семьдесят пятый год и что публика давно готова видеть груди и «все остальное» хотя бы на модельном подиуме. Руди Гейнрайх пришел к подобному умозаключению почти одновременно с Дженни, и его дерзкие, чувственные модели имели невероятный успех. Журнал «Вог» публиковал фотографии девушек с обнаженной грудью уже больше десятка лет — с тех пор как в 1963 году его главным редактором стала Диана Вриланд.

Дженни подражала Диане, считала ее своим кумиром. Одиннадцать лет назад, осознав после окончания парсонсовской Школы дизайна, что не может и не хочет работать на Седьмой авеню¹, Дженни устроилась в «Вог» курьером. Довольно скоро она, однако, сделалась хранительницей так называемого Модного шкафа. Представлял он собой на самом деле довольно большую комнату без окон, где хранились совершенно сказочные платья и костюмы, и для молодой девушки, с детства влюбленной в мир моды, было настоящим счастьем заведовать всем этим богатством. Дженни принимала на хранение новые, сногшибательные наряды, выдавала платья для фотосессий, смотрела, как колдуют над мане-

---

¹ Седьмая авеню в Нью-Йорке — Авеню моды. (Здесь и далее — прим. переводчика.)

кенщицами фотографы, добиваясь самого лучшего, эффектного и выигрышного ракурса, и даже осмеливалась давать им советы, часто довольно дельные. Видимо, именно страсть, с которой она относилась к своим обязанностям, и привлекла к ней внимание знаменитой миссис Вриланд. Очень скоро юная курьерша стала основным художественным консультантом главного редактора, что, впрочем, не мешало Дженни и дальше работать с гардеробом Модного шкафа, хотя она и обзавелась помощницей.

Диану Вриланд Дженни боготворила с первого своего дня в «Вог», однако, не проработав в журнале пяти лет, неожиданно решила уйти. Коллеги в один голос твердили, что она сошла с ума и что другой такой работы нигде не найдет, но Дженни оставалась непреклонной. Ей хотелось создать свой бизнес, чтобы консультировать модельеров и организовывать собственные модные фотосессии. Поддержала ее решение только миссис Вриланд. В беседе с глазу на глаз она сказала, что Дженни поступает совершенно правильно и что ее несомненно ждет большой успех. Дженни удивилась этим словам, однако еще сильнее поразилась, когда вскоре после ее ухода Диана Вриланд сама покинула «Вог» и сделалась ведущим консультантом в Институте костюма при музее «Метрополитен». Сейчас, впрочем, Диана ожидала в концертном зале отеля начала показа новой коллекции Дэвида Филдстона. В этом, однако, не было ничего удивительного, поскольку она до сих пор относилась к Дженни и ее работе очень внима-

тельно и по-доброму, а та платила бывшей начальнице преданной дружбой и высоко ценила ее мнение. Диана была очень талантливой женщиной — Дженни поняла это, еще когда работала в «Вог». Она многому научилась у миссис Вриланд и даже брала с нее пример, что, впрочем, не мешало Дженни иметь свой собственный, не похожий ни на чей другой стиль.

Как хороший кукловод, которого никто не должен видеть, когда он, находясь за сценой, дергает за ниточки, Дженни с ног до головы одевалась во все черное. Ее темные, блестящие волосы свободно падали на плечи, оттеняя матовую бледность лица, почти не тронутого косметикой. Большие синие глаза Дженни казались огромными и мечтательно-отрешенными, но это впечатление было обманчивым, ибо ни одной мелочи она никогда не упускала. Даже сейчас, когда большинство манекенщиц были полностью одеты и готовы к показу, Дженни продолжала следить за ними словно ястреб, и допусти кто-то из гримеров, стилистов или костюмеров хоть малейшую оплошность — эта ошибка обязательно была бы тут же замечена и исправлена.

Но сегодня, кажется, все шло хорошо. Заиграла музыка (Дженни сама выбрала для открытия композицию «Битлз», чтобы создать непринужденную, спокойную атмосферу), и шум голосов в зале мгновенно стих, словно публика затаила дыхание. Коллекция Филдстона предназначалась для осеннего сезона, до которого оставалось еще больше полугода,